

Научная статья
УДК 34.096
doi: 10.17223/15617793/515/28

Правовые аспекты социального неравенства, связанные с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта*

Елена Алексеевна Савченко¹

¹ Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия, elen_savchenko@bk.ru

Аннотация. Определены основные векторы правового регулирования использования искусственного интеллекта, в том числе и в целях устранения «разноуровневого» доступа к возможностям искусственного интеллекта. Результатом исследования стали выводы о необходимости решить проблему «терминологического вакуума», создать программы на федеральном уровне в целях обучения использования возможностей искусственного интеллекта, расширить перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов, например, включить в данный перечень уже созданные информационные ресурсы в сфере культуры.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальное неравенство, «разноуровневый» доступ, социально значимые информационные ресурсы

Для цитирования: Савченко Е.А. Правовые аспекты социального неравенства, связанные с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 515. С. 238–243. doi: 10.17223/15617793/515/28

Original article
doi: 10.17223/15617793/515/28

Legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to artificial intelligence capabilities

Elena A. Savchenko

¹ Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation, elen_savchenko@bk.ru

Abstract. The author, analyzing the legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence, considers this issue taking into account the changes made to the national strategy for the development of artificial intelligence for the period up to 2030, introduced by Decree of the President of the Russian Federation dated February 15, 2024, No. 124, which entered into force on February 15, 2024. Attention is focused on the fact that one of the main threats to the use of artificial intelligence is that, due to reasons beyond the control of citizens, not everyone will have the opportunity to exercise their right to use artificial intelligence in their daily lives. Considering the legal issues of using artificial intelligence, in addition to the issues of social inequality associated with the "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence, scientists note: the need to legally enshrine the principle of transparency when using AI in public administration, regulation of such issues as manipulation when processing personalized information (personal data); the ability to control the behavior of an individual, primarily on the Internet; the development of emotional artificial intelligence; the introduction of the so-called social rating; the need to create legislation that will ensure proper protection of human rights and freedoms when using artificial intelligence. The article aims to reveal the essence of the identified problem and determine the main vectors of legal regulation of the use of artificial intelligence, including for the purpose of eliminating the "multi-level" access to the capabilities of artificial intelligence. The methodological basis of the study was the principles of comprehensiveness, integrity, consistency, and objectivity. The study resulted in conclusions about the need to solve the problem of the "terminological vacuum", create programs at the federal level for the purpose of training in the use of artificial intelligence capabilities, expand the list of domestic socially significant information resources, for example, by including in this list already created information resources in the field of culture.

Keywords: artificial intelligence, social inequality, "multi-level" access, socially significant information resources

For citation: Savchenko, E.A. (2025) Legal aspects of social inequality associated with a "multi-level" access to artificial intelligence capabilities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 515. pp. 238–243. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/515/28

---

* Статья подготовлена по материалам выступлений на международной междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта – искусственный интеллект и сознание» и на Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы цифрового права в условиях формирования экономики данных».

Президент Российской Федерации В.В. Путин в ходе выступления на пленарной сессии Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) в 2023 г. подчеркнул, что «социальная справедливость является одним из принципов развития экономики Российской Федерации», неукоснительное соблюдение которого должно вести к сокращению неравенства. Рост научно-технологического потенциала экономики должен вести к сокращению неравенства, а не к его усугублению. При этом глава государства добавил, что Россия «не является чемпионом по решению этих задач», остается много вопросов.

Как подчеркнул позже, в 2024 г. на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ), Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, одним из важнейших вопросов развития искусственного интеллекта (далее ИИ) является «проблема возрастающего социального неравенства и расслоения, связанная с «разноуровневым» доступом к возможностям ИИ» [1].

Академик Т.А. Хабриева акцентирует, что «во всем мире наблюдается нарастание правового регулирования» ИИ [2], в то же время нельзя не согласиться с точкой зрения профессора Ю.А. Тихомирова, что «законодательное регулирование «не успевает» за развитием отношений» в сфере искусственного интеллекта, служит средством их «запоздалого» регулирования, не оказывает опережающего воздействия» [3].

В выступлениях многих учёных на международной междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта – искусственный интеллект и сознание», которая была организована Российской академией наук, Научным советом при Президиуме РАН по методологии ИИ и когнитивных исследований вместе с Центром искусственного интеллекта МГИМО и рядом российских и зарубежных образовательных и исследовательских организаций, подчёркивалось, что вопросы регулирования использования искусственного интеллекта – проблематика широкого, межотраслевого характера не только правовых наук.

На конференции были рассмотрены вопросы феномена ИИ, например, как возможности перспективного технологического усовершенствования, а также были подняты вопросы необходимости определения границ применимости ИИ, проблем безопасности, защиты персональных данных и международного правового регулирования.

Рассматривая юридическую проблематику использования искусственного интеллекта, ученые отмечают: необходимость «при использовании ИИ в государственном управлении нормативно закрепить принцип прозрачности (транспарентности)» [4]; урегулирование таких вопросов, как манипуляция в процессе обработки информации персонифицированного характера (персональных данных); возможность контроля за поведением индивида, прежде всего в сети Интернет [5]; развитие эмоционального искусственного интеллекта; введение так называемого социального рейтинга и др. [6]; необходимость «создавать законодательство, которое будет обеспечивать надлежащую защиту прав и свобод человека» при использовании искусственного интеллекта [7].

Как отмечает профессор Н.С. Бондарь, «формирующееся информационно-цифровое пространство – качественно новая сфера правового, в том числе конституционно-правового влияния» [8].

Главная опасность использования искусственного интеллекта состоит все же не только в том, что люди станут думать как компьютеры, но и в том, что в силу независимости от граждан причин не все будут иметь возможность реализовывать в своей повседневной жизни своё право на использование ИИ.

В своём докладе в рамках Всероссийской междисциплинарной конференции «Философия искусственного интеллекта» на секции «Искусственный интеллект и право» директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, академик РАН Т.Я. Хабриева подчеркнула, что сейчас под эгидой ООН запущен процесс конструирования международно-правовой матрицы искусственного интеллекта.

Важное значение для построения регулирования искусственного интеллекта имеют Глобальный цифровой договор, принятый Генеральной ассамблеей ООН в 2022 г., а также Доклад ООН о регулировании ИИ, опубликованный 19.09.2024 г., в котором предлагается создать независимую Международную научную группу по ИИ.

Глобальный цифровой договор (далее ГЦД) является приложением к Пакту будущего и регламентирует, например, такие вопросы, как

- управление Интернетом и использование ИИ;
- преодоление цифрового разрыва и др.

Однако ГЦД не имеет обязательной силы. Одной из главных целей ГЦД является формирование инклюзивного цифрового пространства, в котором защищены права человека. Что касается регулирования искусственного интеллекта, то в ГЦД отмечается «необходимость сбалансированного и основанного на оценке рисков подхода к управлению искусственным интеллектом» при равном представительстве всех стран и полноценном участии всех заинтересованных сторон.

Равное представительство всех стран и полноценное участие всех заинтересованных сторон особенно важны для недопущения неокOLONиальной политики, которая подразумевает более скрытые и мягкие формы воздействия в технологической сфере. Например, развитые страны могут использовать цифровые технологии, мобильные приложения и онлайн-платформы для поддержания экономического и культурного доминирования над развивающимися странами, что усиливает технологический разрыв и подчеркивает неравенство. Новый вид цифровой зависимости имеет не только экономические, но и социальные последствия, например кража данных и последующие манипуляции.

Таким образом, можно сказать, что Глобальный цифровой договор – это документ «мягкого права», в котором отмечается:

- 1) необходимость международного сотрудничества в целях устранения цифровых разрывов между странами и внутри них;
- 2) необходимость выявлять и уменьшать риски и обеспечивать надзор за технологиями со стороны человека таким образом, чтобы это способствовало

устойчивому развитию и полному осуществлению прав человека;

3) необходимость цифрового сотрудничества, которое основано на нормах международного права, включая Устав ООН, международное право в области прав.

Перед продолжением дальнейшего анализа исследуемой темы необходимо отметить, что в соответствии с изменениями, внесенными Указом Президента РФ от 15.02.2024 № 124 в Национальную стратегию развития ИИ (далее Стратегия), изменилось определение ИИ. Теперь под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, который позволяет получать при выполнении конкретных задач результаты, не только сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека, но и превосходящие их.

В соответствии со Стратегией в состав комплекса технологических решений включены: информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В части четвертой ГК РФ под базой данных понимается представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Однако понятие «информационно-коммуникационная инфраструктура» в законодательстве отсутствует. В Стратегии всего лишь отмечается, что «дополнительными благоприятными факторами развития технологий искусственного интеллекта в России являются современная базовая информационно-коммуникационная инфраструктура (высокий уровень доступа к сети Интернет, развитые сети радиотелефонной связи 3-го и 4-го поколений) и доступность мобильной передачи данных».

По мнению автора, более правильно говорить не о сети радиотелефонной связи 3-го и 4-го поколений, а о новом поколении сетей связи 5G/IMT-2020. В то же время нельзя не отметить, что сети 5G также имеют свои риски. Например, в Евросоюзе был опубликован отчет оценки рисков, связанных с сетями 5G, в котором указывалось, что программные уязвимости в оборудовании сетей пятого поколения служат источником повышенного риска, еще большего, чем для сетей предыдущих поколений.

Что касается понятия информационно-коммуникационной инфраструктуры нужно отметить, что в Концепции развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и технологий в Российской Федерации (проект, который так и не был принят) информационно-коммуникационная инфраструктура указывается, как совокупность информационных (определяемых, как взаимосвязанная совокупность информационных систем и подсистем) и коммуникационных инфраструктур.

Коммуникационная инфраструктура, в свою очередь, определена, как сетевая инфраструктура, обеспечивающая передачу информации между территориально распределенными источниками и получателями, состоящая из линий связи, использующих различные среды распространения электромагнитных сигналов, и оборудования, обеспечивающего прием, передачу этих сигналов и их обработку в процессе этой передачи.

Возвращаясь к теме нашей статьи и проанализировав состав понятия «искусственный интеллект», под равноуровневым доступом к возможностям ИИ, по мнению автора, необходимо считать:

1) уровень доступа к возможностям ИИ, обеспечиваемый в первую очередь уровнем доступа к сети Интернет и соответственно развитием коммуникационной инфраструктуры;

2) равноуровневость во владении навыками использования ИИ;

3) дифференциация во владении навыками использования ИИ свидетельствует о неравных возможностях индивидов (использование).

Использование ИИ в настоящее время невозможно без Интернета, где десятки миллионов пользователей фактически обеспечивают обучение и развитие ИИ. Однако, несмотря на широкое использование понятия «Интернет», в российском законодательстве единого легального определения этого понятия до сих пор нет. Интернет определяется как глобальная информационно-телекоммуникационная сеть, связывающая информационные системы и сети электросвязи различных стран посредством глобального адресного пространства, основанная на использовании комплексов интернет-протоколов и протокола передачи данных и предоставляющая возможность реализации различных форм коммуникации (см. ст. 2 Модельного закона об основах регулирования Интернета). В соответствии с п. 4 ст. 2 Закона об информации под информационно-телекоммуникационной сетью понимается технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники.

Учёные, исследующие возможности и правовое регулирование современных информационных технологий, подчёркивают, что только при наличии всеобщего минимального права на доступ в Интернет гарантирована реализация права на информацию, акцентируя внимание на то, что «мы накануне международного признания нового фундаментального права – права на доступ в Интернет» [8]. По мнению данных учёных, это право должно основываться на возможностях современной информационно-коммуникационной инфраструктуры с обязательной сетевой и технологической нейтральностью, запретом дискриминации сетевого трафика обеспечивать максимальный охват для доступа к сети Интернет.

По ГОСТ Р 55387-2012 под услугой «доступ в Интернет» понимается совокупность действий оператора связи по подключению оконечного оборудования или локальной сети пользователя к сети оператора и обеспечению возможности доступа пользователю к ресур-

сам и услугам Интернет (веб-службам, передаче файлов по протоколу FTP и др.). Подробное нормативное регулирование доступа к сети Интернет содержится в Правилах телематических услуг связи и в Правилах услуг по передаче данных. Доказывание отсутствия технической возможности для предоставления доступа к сети передачи данных лежит на операторе связи (абз. 4 п. 22, п.п. 23, 24 Правил телематических услуг связи).

Необходимо отметить, что в настоящее время легального общепринятого определения телематических услуг связи в российском законодательстве также нет. Например, в Определении Верховного Суда РФ от 12.12.2013 № АПЛ13-538 указано, что телематические услуги связи – это любые услуги связи, предусматривающие использование кибернетического пространства. Одним из видов оказания этих услуг является, в частности, предоставление доступа к сети Интернет.

Более ограниченным является определение, сформулированное в ФАС РФ службе, например, в решениях Магаданского УФАС России от 21.12.2016 по делу № 04-30/143-2016, Приморского УФАС России от 29.05.2018 № 476/04-2018, в частности, отмечается: телематические услуги связи – это комплекс услуг, которые оператор предоставляет клиентам в части электронных коммуникаций с присвоением каждому из них кода идентификации (адреса).

По мнению автора, телематические услуги связи – это услуги связи, оказываемые оператором на основании соответствующей лицензии в соответствии с договором, заключенным с абонентом, с присвоением абоненту кода идентификации и обеспечивающие:

- доступ к информационным системам информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе к сети Интернет;

- прием и передачу телематических электронных сообщений, передачу сигналов оповещения и экстренной информации об опасностях, связанных с чрезвычайными ситуациями.

Телематические услуги связи используются в роботехнике, нанотехнологиях, навигации (Glonass, GPS), в управлении техникой, в IP-телефонии, в голосовой почте и пр. Что касается услуг связи по передаче данных, то нужно отметить, что такие услуги подразделяются на

- услуги связи по передаче данных, за исключением услуг связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации;

- услуги связи по передаче данных для целей передачи голосовой информации.

Легального определения услуг связи по передаче данных в РФ в настоящий период времени также нет. В соответствии с утратившим силу внутренним документом «Сети и службы передачи данных», утвержденным Приказом Министерства РФ по связи и информатизации от 12.11.2001 № 225, под сетью передачи данных понималась совокупность узлов и каналов электросвязи, специально созданная для организации связей между определенными точками с целью обеспечения передачи данных между ними.

На основе анализа законодательства о связи, можно сказать, что передача данных – это перенос данных в

виде сигналов от точки источника информации к ограниченному или неограниченному числу получателей, находящихся на расстоянии, современными средствами связи по каналам передачи данных, для последующей обработки средствами вычислительной техники.

В Постановлении Правительства РФ от 24.11.2014 № 1240 дается определение сети передачи данных органов власти, которые определяются как элемент инфраструктуры, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме, в целях осуществления государственных функций.

В этой связи необходимо отметить, что по Федеральному закону «О связи» (далее – Закон о связи) на операторов связи, оказывающих услуги по предоставлению доступа в Интернет, возложена обязанность обеспечивать без взимания платы доступ к отечественным социально значимым информационным ресурсам, в число которых включены единый портал государственных и муниципальных услуг (Госуслуги) и социальная сеть «ВКонтакте».

Как отмечается в отчете Ericsson о мобильности, объем передачи данных в сетях мобильной связи в странах Западной Европы в 2017–2024 гг. вырос в расчёте на 1 смартфон с 3,05 до 22,46 Гб/месяц, в странах Центральной и Восточной Европы с 2,73 до 19,48 Гб/месяц. Ещё более высокий рост в Индии, Непале и Бутане – до 31,88 Гб/месяц. При этом операторы мобильной связи в нашей стране работают в условиях дефицита доступного радиочастотного ресурса по сравнению с крупнейшими иностранными рынками мобильной связи. В международном рейтинге GSMA – организации, объединяющей операторов мобильной связи – Mobile Connectivity Index (Индекс мобильного взаимодействия), Российская Федерация в 2023 г. заняла 45 позицию из 173. Отметим, что в 2014 г. РФ была на 36 (в 2017 г. – на 34). В значительной мере снижение позиции нашей страны произошло из-за задержки появления широкодоступной сотовой сети пятого поколения, обусловленной санкционным давлением стран Запада, поэтому разноуровневый доступ к возможностям искусственного интеллекта будет сохраняться.

Основными рисками разноуровневого доступа к возможностям искусственного интеллекта являются ограничения осуществления определенной жизненной стратегии индивида, полноценного участия в жизни общества, личностного роста и расширения социальных связей и отношений, а также демократического участия.

Рассматривая вопрос о социальном неравенстве, связанном с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта, нельзя оставить без внимания Концепцию цифровой и функциональной трансформации социальной сферы до 2025 г., которая «изначально постулирует установки экономического и технологического детерминизма применительно к социальной сфере» [9. С. 81; 10].

В Концепции трансформации социальной сферы предусматривается внедрение искусственного интеллекта, в том числе для заключения социального контракта с малоимущими семьями.

Однако, как справедливо отмечают авторы, «ориентация на внедрение искусственного интеллекта во все сферы правового сопровождения социальной жизни рискует обернуться стагнацией в развитии права, лишая человека стимулов к аналитическому мышлению» [11].

Подводя итог, сделаем следующие выводы, чтобы решить вопрос социального неравенства, связанного с «разноуровневым» доступом к возможностям искусственного интеллекта:

1. Необходимо прежде всего решить проблему «терминологического вакуума», а именно дать легальное определение понятий «информационно-коммуникационная инфраструктура», «Интернет», «телематические услуги связи» и «услуги связи по передаче данных» в российском законодательстве.

2. В первую очередь для граждан, которые имеют право на льготы и меры социальной поддержки, очень

важно создать программы обучения на федеральном уровне.

3. Перечень отечественных социально значимых информационных ресурсов необходимо расширить, например, включить уже созданные информационные ресурсы в сфере культуры.

4. Внести изменения в Стратегию, пункт «з» дополнить после слов «информирование граждан и организаций о принципах использования технологий искусственного интеллекта» фразой «и организация обучения использованию технологий искусственного интеллекта для граждан, которые имеют право на льготы и меры социальной поддержки».

Анализируя вышесказанное, можно сделать вывод, что разноуровневый доступ к возможностям искусственного интеллекта будет сохраняться как минимум до появления широкодоступной сотовой сети пятого поколения. Однако у любого минуса есть и свои плюсы, например, вынужденный постепенный переход к возможностям искусственного интеллекта позволит сохранить стимулы к аналитическому мышлению.

Список источников

1. Зорькин В. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 27.06.2024. URL: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (дата обращения: 01.09.2024).
2. Искусственный интеллект сквозь призму права. Интервью с академиком Т.Я. Хабриевой // Научная Россия. 09.09.2024. URL: <https://scientificrussia.ru/articles/iskusstvennyj-intellekt-skvoz-prizmu-prava-intervyu-s-akademikom-taliej-habrievoj>
3. Тихомиров Ю.А. Методология анализа и оценки рисков в законодательной деятельности // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 46–52.
4. Талапина Э.В. Принцип прозрачности использования искусственного интеллекта // Государственная власть и местное самоуправление. 2024. № 7. С. 36–39.
5. Авакян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.
6. Ковалева Н.Н., Жиринова Н.А. Проблемы обеспечения конфиденциальности персональных данных при использовании систем искусственного интеллекта // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 109–121.
7. Виноградов В.А. Правовые аспекты развития систем искусственного интеллекта // Закон. 2023. № 12. С. 157–166.
8. Бондарь Н.С. Информационно-цифровое пространство в конституционном измерении: из практики Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал российского права. 2019. № 11. С. 25–42.
9. Талапина Э.В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6 (115). С. 70–83.
10. Щербович А.А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. М.: ТЕИС, 2015. 148 с.
11. Обеспечение прав человека и осуществление публичной власти в современных условиях: проблемы и решения / под ред. Т.А. Васильевой, Н.В. Варламовой. М.: ИГП РАН, 2023. С. 390.

References

1. Zorkin, V. (2024) Pravo i vyzovy iskusstvennogo intellekta [Law and the Challenges of Artificial Intelligence]. *Rossiyskaya gazeta*. June 27th. [Online] Available from: <https://rg.ru/2024/06/27/pravo-i-vyzovy-iskusstvennogo-intellekta.html> (Accessed: 01.09.2024).
2. Nauchnaya Rossiya [Scientific Russia]. (2024) *Iskusstvennyy intellekt skvoz prizmu prava. Intervyu s akademikom T.Ya. Khabrievoj* [Artificial Intelligence Through the Prism of Law. Interview with Academician T.Ya. Khabrievoj]. September 9th. [Online] Available from: <https://scientificrussia.ru/articles/iskusstvennyj-intellekt-skvoz-prizmu-prava-intervyu-s-akademikom-taliej-habrievoj> (Accessed: 01.09.2024).
3. Tikhomirov, Yu.A. (2015) *Metodologiya analiza i otsenki riskov v zakonodatel'noy deyatel'nosti* [Methodology for Analysis and Risk Assessment in Legislative Activity]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 9. pp. 46–52.
4. Talapina, E.V. (2024) *Printsip prozrachnosti ispolzovaniya iskusstvennogo intellekta* [The Principle of Transparency in the Use of Artificial Intelligence]. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie*. 7. pp. 36–39.
5. Avakyan, S.A. (2019) *Informatsionnoe prostranstvo znaniy, tsifrovoy mir i konstitutsionnoe pravo* [Information Space of Knowledge, Digital World and Constitutional Law]. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*. 7. pp. 23–28.
6. Kovaleva, N.N. & Zhirnova, N.A. (2024) *Problemy obespecheniya konfidentsialnosti personalnykh dannykh pri ispolzovanii sistem iskusstvennogo intellekta* [Problems of Ensuring Confidentiality of Personal Data When Using Artificial Intelligence Systems]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 7. pp. 109–121.
7. Vinogradov, V.A. (2023) *Pravovye aspekty razvitiya sistem iskusstvennogo intellekta* [Legal Aspects of the Development of Artificial Intelligence Systems]. *Zakon*. 12. pp. 157–166.
8. Bondar, N.S. (2019) *Informatsionno-tsifrovoye prostranstvo v konstitutsionnom izmerenii: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii* [Information and Digital Space in the Constitutional Dimension: From the Practice of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 11. pp. 25–42.
9. Talapina, E.V. (2016) *Pravo na informatsiyu v svete teorii sub'ektivnogo publichnogo prava* [The Right to Information in the Light of the Theory of Subjective Public Law]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 6 (115). pp. 70–83.
10. Shcherbovich, A.A. (2015) *Realizatsiya konstitutsionnykh prav i svobod v Internetе* [The Realization of Constitutional Rights and Freedoms on the Internet]. Moscow: TEIS.

11. Vasilyeva, T.A. & Varlamova, N.V. (eds) (2023) *Obespechenie prav cheloveka i osushchestvlenie publichnoy vlasti v sovremennykh usloviyakh: problemy i resheniya* [Ensuring Human Rights and the Exercise of Public Power in Modern Conditions: Problems and Solutions]. Moscow: ISL, RAS.

Информация об авторе:

Савченко Е.А. – канд. юрид. наук, научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия). E-mail: elen_savchenko@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8346-8829

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Savchenko, Cand. Sci. (Law), research fellow, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation). E-mail: elen_savchenko@bk.ru. ORCID: 0000-0001-8346-8829

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2025;
одобрена после рецензирования 12.05.2025; принята к публикации 30.06.2025.*

*The article was submitted 16.04.2025;
approved after reviewing 12.05.2025; accepted for publication 30.06.2025.*